

— Простите..... Я..... я ошибся.....

— Простите..... про... простите.....

Из храма донесся испуганный, дрожащий голос с учатившимся дыханием.

Внутри на коленях перед изображением божества замер юноша. Его голова была низко опущена, глаза налились кровью, а губы непрерывно шептали что-то бессвязное. В правой руке он сжимал острый кинжал с персиковой рукоятью.

Удар за ударом он полосовал серый цветочный узор на левом предплечье, словно отчаянно пытаясь соскрести всю эту плоть до кости.

Серая цветочная печать — знак того, что Призрачный Чиновник Предка Зла похищает живые человеческие души...

Одиннадцать лет назад Третий молодой господин Ван Цичжао из Крепости семьи Ван из Улина применил запретную технику, замыслив превратить трупы в марионеток, но пал жертвой собственного заклятия. Его собственный младший сородич убил его и запечатал в каменном гробу.

С тех пор в мире воцарился мир.

Однако ровно три года назад, в ночь на пятнадцатое число седьмого месяца, в древний праздник Чжунъюань, родовой некрополь Крепости семьи Ван из Улина был за одну ночь полностью разрыт. Слыхивали, будто и все погребенные тела бесследно исчезли... остались лишь разлившееся в ту ночь кровавое озеро да багровое небо.

Древнее табу, Око Кровавой Луны. Это предвещало лишь дурное, сулило несчастья.

Сразу после тех событий в маленьких городах и селениях на границе Улина одно за другим стали происходить загадочные убийства.

И на высохших телах многих погибших неизменно оставался серый цветочный узор...

Внутри полуразрушенного храма клубилась пыль. Юноша в простых одеждах стоял на коленях у подножия алтаря, крепко сжимая кинжал и хмуря брови.

В этот момент по храму внезапно пронесся зловещий вихрь, взметая с пола обрывки травы и песчинки. Красные свечи мгновенно погасли, курительница опрокинулась, а сорванные странным ветром защитные талисманы разлетелись по всему святилищу. Со всех сторон зачастили резкие, оглушительные звуки глухих медных колокольчиков, сливаясь в

невообразимый хаос, готовый в любую секунду разразиться катастрофой.

Царило жуткое, небывалое запустение, когда сверху вдруг донесся устрашающий грохот.

Юноша резко вскинул голову и в тот же миг увидел, как из стоявшей на алтаре резной алой святыни на него свирепо уставилась пара глаз.....

Мертвой хваткой уставилась на него...

В тот седьмой месяц года, в ночь древнего табу и странствий ветряных колокольчиков.

В то же самое время из другого святилища неподалеку донесся приглушенный звук падения какого-то предмета.

День клонился к закату, и даже багровое солнце, наполовину скрывшееся за горизонтом, продолжало источать удушающую жару после долгих часов зноя.

Сквозь потрепанную бумагу храмового окна луч заката скользнул прямо по лицу Вэнь Ланьшу.

Вэнь Ланьшу поднял руку, заслоняясь от света, и медленно открыл глаза. Сквозь пелену перед глазами проступила черепичная крыша храма.

Переведя взгляд чуть выше, он с удивлением обнаружил странное изображение, полностью завладевшее его вниманием.

На портрете был запечатлен безликий человек в роскошных, богато расшитых одеждах. Заведя руки за спину и держа меч, он излучал милосердие. Его безмятежный облик был намеренно замазан тушью, из-за чего разглядеть черты лица не представлялось никакой возможности.

Лениво скосив глаза, Вэнь Ланьшу огляделся. Поразмыслив, он понял, что, должно быть, не видел этого палящего заката уже много лет, и сейчас от яркого света глаза слегка резало.

Легкое замешательство...

Он моргнул, чувствуя себя немного сонным, а в голове все еще стоял туман.

Однако падение со Моста Тысячи Мыслей сюда едва снова не отправило его в загробный мир. К счастью, жизнь в нем теплилась крепкая, да и кости остались целы.

Теплое солнце ласкало лицо. Оценив царящую вокруг тишину, Вэнь Ланьшу приподнялся и огляделся по сторонам — налево, направо.

Хм?

Что это... за место?

Я... каким-то образом оказался в храме?

Да еще в какой-то... заброшенной лачуге, где черт знает сколько времени не воскурляли благовоний...

Храм и впрямь оказался разрушенным до основания: в потрескавшемся полу буйно зеренел бурьян, стены покрылись черными трещинами, а расколотую курительницу никто даже не удосужился починить.

ТЬфу ты...

Внезапное возвращение в мир живых застало его врасплох. Окинув взглядом внутреннее убранство храма и заходящее солнце за окном, Вэнь Ланьшу уперся рукой в землю и поднялся. Отряхнув пыль с одежды и оправив полы халата, он подошел к алтарю.

Курительница? Благовония? Чай? Четыре больших паровых булочки с алыми иероглифами «благополучие», а рядом — бумага с нарисованной кровавой диаграммой восьми триграмм. Вэнь Ланьшу протянул руку, взял диаграмму, а следом захватил булочку и принялся ее уплетать.

Древние передавали знание о диаграмме восьми триграмм, начертанной богами и отшельниками. Используя сплошную черту ☰—☰ как символ ян, а прерывистую ☷--☷ как символ инь, они составили восемь триграмм. Где Цянь — небо, Кунь — земля, Чжэнь — гром, Сюнь — ветер, Кань — вода, Гэнь — гора, Ли — огонь, а Дуй — водоем. Все это служило средством для отвращения бед и изгнания нечисти.

Выходит, раз в храме оставлены подобные жертвенные дары, значит, кто-то в здешних краях столкнулся с происками зла и пытался спастись с помощью восьми триграмм? Обращался за помощью к богам?

Истинно круговорот небес: свирепые призраки вновь бесчинствуют на свободе. Вэнь Ланьшу отложил диаграмму, легко кашлянул и сделал глоток из стоявшей рядом чашки с чаем.

Снаружи этот ветхий храм казался совсем крошечным, но внутри зал был на редкость просторным. Впрочем, простор выглядел унылым и запущенным.

У края алтаря стоял квадратный заплочный короб, а рядом с ним примостилось... крошечное белое бумажное человечко?!

Что еще за странная малютка такая?!

Вэнь Ланьшу медленно подошел и во все глаза уставился на бумажную фигурку. Та сидела на полу, обхватив колени руками, и ее крошечные, размером с палец ручки мелко дрожали. Она выглядела точь-в-точь как раненый, брошенный всеми ребенок.

Заметив это, Вэнь Ланьшу любопытство поинтересовался:

— Скажи... тебе нужна помощь?

Услышав человеческий голос, бумажное создание испуганно вздрогнуло, молниеносно подскочило на месте и сигануло за бамбуковый короб.

Видя его панику, Вэнь Ланьшу поспешно успокоил его:

— Я не плохой человек, не бойся.

Поняв, что его слова не возымели действия, Вэнь Ланьшу добавил:

— Не бойся, я не причиню тебе вреда, поверь мне.

После этого, выждав мгновение тишины, бумажный человечек наконец высунул голову. Лица у него не было нарисовано, но по тому, как он приподнял макушку, было ясно, что он разглядывает стоящего перед ним человека.

Вэнь Ланьшу улыбнулся:

— Как бы странно это ни звучало, но я хороший человек.

Заметив, что пальчики фигурки, цепляющиеся за край корзины, все еще мелко дрожат, он ласково спросил:

— Ты... ранен?

Услышав это, бумажный человечек после некоторых колебаний неуверенно кивнул. Тогда Вэнь Ланьшу пообещал:

— Тогда давай я тебе помогу, я могу исцелить твою рану.

Стоило бумажному человечку услышать, что кто-то хочет залечить его раны, как он, рискнув и

поверив на слово Вэнь Ланьшу, осторожно выбрался из-за короба и остановился прямо перед ним, неловко потирая ладонки.

Вэнь Ланьшу тепло улыбнулся:

— Спасибо, что доверился мне.

С этими словами он при помощи духовной энергии сотворил крошечный лоскут магической ткани и аккуратно обмотал его вокруг поврежденной руки бумажного создания.

Едва рана коснулась целительной духовной энергии, как боль, судя по всему, значительно утихла: бумажный человечек с удивлением оглядел свою руку и радостно подпрыгнул на месте.

Видя, как резво он запрыгал, Вэнь Ланьшу мягко улыбнулся, подошел к бамбуковому коробу и принялся рыться в нем. Внутри нашлись две старые книги и шелковый мешочек. Он вытащил одну из книг, сдул поднимающуюся пыль и раскрыл ее.

Увы, оказалось, что написанное внутри вовсе не походило на иероглифы — скорее на каракули злых духов: все перемазано, чернила расплылись, разобрать что-либо было совершенно невозможно.

Вэнь Ланьшу вернул книгу в короб, взвесил его в руке, огляделся и решил заодно прихватить все полезное с алтаря, сгребя добро в короб по принципу дурной славы — что плохо лежит, то наше.

Бумажный человечек склонил голову набок, разглядывая Вэнь Ланьшу, а затем живо запрыгнул на край заплочного короба.

Заметив этот жест, Вэнь Ланьшу слегка удивился и с улыбкой произвел:

— О? Ты хочешь пойти со мной?

Однако бумажное создание, казалось, вовсе не умело разговаривать, и Вэнь Ланьшу лишь почувствовал, как оно легонько ткнуло его в плечо в знак согласия.

В этот момент ткань одежды скользнула по предплечью, вызвав странное, неприятное ощущение. Он закатал рукав: на руке отчетливо выделялся нефритовый браслет, но, к его величайшему изумлению, рядом с ним на коже красовался ни с того ни с сего появившийся серый цветочный узор.

Цветочный узор — поговаривали, что это зловещая печать, предвещающая злодеяния

призрачных чиновников.

Взглянув на эту метку, Вэнь Ланьшу тяжело вздохнул. Подавленно покачав головой, он достал из короба найденный там же маленький кинжал, отрезал полоску от старой потертой буддийской занавеси, выкроил узкую ленту и туго обмотал ее вокруг черной метки. Затем он спрятал кинжал обратно в короб, привел в порядок алтарь, отвесил почтительный поклон изображению божества, взвалил короб на плечи и вышел из храма.

Стоило ему ступить за порог, как Вэнь Ланьшу ощутил мягкое тепло заходящего солнца, ласковый ветерок и щебетание птиц, облюбовавших ветки клена. Хотя вокруг не было ни души, всё вокруг дышало жизнью.

Пройдя еще пару шагов, Вэнь Ланьшу обернулся и разглядел над входом в храм три нечетких старых иероглифа: «Дворец Бэймин».

Обитель того, кого прежние поколения величали любимцем небес — Генералом Бэймин, а потомки прозвали кровожадным демоном и вечным грешником.

Перед храмовыми воротами тянулась каменная лестница, у подножия которой стояла крошечная миниатюрная святыня для почитания духов. По обе стороны от старого храма чернели засохшие ветви деревьев — оказалось, святилище стояло на небольшом холме. Вэнь Ланьшу на ходу сломал сухую ветку, смахнул мешавшие побеги и начал спускаться по ступеням.

Солнце скрылось за западными горами, сумерки сгустились. Преодолев добрую сотню ступеней, Вэнь Ланьшу наконец оказался внизу.

Улин, поселок Циньцзя.

Деревянная арка излучала легкий налет зловещей таинственности, а на ее вершине примостилась черная горлица. Форт Цинь представлял собой древнее селение: хотя толп народа на улицах не наблюдалось, жизнь текла своим чередом. По обе стороны широкой дороги торговцы предлагали украшения и нехитрую чайную утварь. Лавочки были крошечными: один столик, четыре стула да пара слуг.

Солнце уже село за горизонт, и маленькие лавки, торговавшие одеждой, зонтами и обувью, как раз закрывались, зато в чайных палатках затеплились красные фонари. В их мягком сиянии окрестный пейзаж приобретал особое, изысканное очарование.

Слабый отблеск уходящего солнца, теплый свет красных огней, горы и реки бок о бок — поистине прекрасная картина.

Сейчас наступал час возвращения домой к вечерней трапезе, поэтому на улицах было

немноголюдно. Если бы в такую пору здесь случайно встретились влюбленные, это сочли бы истинным благословением небес.

Бумажный человечек прятался в коробе, куда не падали взгляды прохожих. Сам же Вэнь Ланьшу с коробом за спиной и палкой в руке неспешно шагал по каменной улочке. Встречные прохожие попадались редко, но на лицах некоторых местных застыло выражение глубокой тревоги.

Миновав лавочку с благовониями и чайный навес, он издалека услышал голоса нескольких праздных горожан, которые сидели в открытой беседке за чашкой чая с хрустящим арахисом и вовсю обсуждали жуткие происшествия в Форте Цинь.

Поблизости доносился негромкий говор:

— Слыхали, пару дней назад в нашей деревне снова человек умер? Знаете об этом?

— Эх, еще бы не знать, я ведь тоже дошел до слухов. За последние три месяца прошлого года в деревне Фэньюнь, что в ста ли отсюда, сгинуло ровно пятьсот человек. Ой-ёй, представьте себе — за каких-то три месяца пятьсот человек полегло! — подхватил другой.

— Пятьсот трупов — это полбеды, я вот что слышал: стоит настать седьмому месяцу, как по ночным улицам начинают бродить Трупные Демоны. Жуть берет! — брезгливо цокнул языком третий.

— Тьфу, вся эта нечисть бесчинствует, а мрут-то простые людишки. А старейшине города да заклинателям какое дело до чужих жизней? — презрительно бросил мужчина, сидевший посередине и щелкавший орешки.

Юноша в простых одеждах с коробом за плечами уже почти миновал чайный навес, но, услышав такое, остановился. Навострив уши, он замер на месте, крепко сжимая сухую ветку.

Заметив перед собой запыленного путника, бездельники переглянулись. Один из них раздраженно бросил:

— Чего тебе? Милостыню просишь?

Окинув взглядом попивающих чай болтунов, Вэнь Ланьшу вежливо улыбнулся и ответил:

— Нет-нет... просто младший брат тут услышал... о чем вы только что толковали: «нечисть бесчинствует, ходячие трупы бродят...» — что это за напасть такая? Я человек здесь новый, право слово, ничего не понимаю.

На юноше был синий халат с короткометражными рукавами поверх, за плечами висел заплочный короб, в руке вместо трости он сжимал сухую ветку. Сам он выглядел миловидным и опрятным, но дорожная пыль покрывала его с ног до головы — сразу видно, чужак.

Один из собеседников покачал головой:

— Раз уж ты прибыл издалека, братец, советую убраться отсюда поскорее. Форт Цинь нынче — не место для житья.

Вэнь Ланьшу нахмурился:

— Не извольте гневаться... но почему вы так говорите?

— Послушай-ка сюда, — другой мужчина отставил пиалу и подался вперед. — Начать надо с того, что было три года назад. Тогда родовой некрополь семьи Ван разрыли, а тела всех потомков клана пропали бесследно. Поскольку их души не нашли упокоения, они превратились в озлобленных мертвецов и скитаются по миру. Вот по всей улинской границе то и дело и объявляются мстительные духи — они только и норовят что лишить человека жизни, забрать душу и завладеть телом. Оттого в городе то и дело появляются всякие чудища.

— А поговаривают ведь, будто всех этих трупных демонов семьи Ван прибрал к рукам Призрачный Чиновник Цяньлан, использовав технику Перерождения зловещего тела, чтобы превратить их в Трупных Марионеток. Тьфу ты, аж мороз по коже!

Перерождение зловещего тела — древнее запретное искусство. Используя темную ци как проводник, а главное тело как оболочку, с помощью тайных чар можно было вернуть мертвеца к жизни, превратив в покорную марионетку. В народе об этом ходило немало слухов.

Но кто же этот Призрачный Чиновник Цяньлан?..

— Если мстительные призраки и впрямь орудуют повсюду, нарушая мир и губя невинных, то почему же за целых три года не нашлось ни одного даоса, способного искоренить эту заразу? — поинтересовался Вэнь Ланьшу.

С незапамятных времен нечисть то и дело докучала смертным. К тому же в мире существовали бесчисленные бессмертные секты, чьим долгом было истребление демонов во имя защиты справедливости. Как они могли позволить нечисти бесчинствовать?

Неужели сила этого злого духа превосходит всё, с чем способен справиться простой смертный?..

— Эх, ничего-то ты не знаешь, — ответил собеседник. — Форт Цинь лежит на самой границе Улина, на севере. А с десяток лет назад Третий молодой господин Ван Цичжао из этой самой

семьи Ван крепко насолил великим кланам бессмертных. Слышал я, он вырезал дочиста Поместье Красных Листьев и Золотых Лотосов и сровнял с землей обитель Сюэхега на Горе Гушань — словом, перессорился со всеми обителями заклинателей разом. Сам подумай, кто теперь станет помогать улинцам с изгнанием нечисти?

— Ну, это еще как посмотреть, — встрял в разговор тот самый парень, что щелкал орешки. — Пусть раньше клан Ванов и нажил врагов среди бессмертных поместий, но те же заклинатели из Алых Листьев Ланьси славятся безупречной добродетелью и праведными именами по всему миру. Они очищают мир от призраков ради простых людей, и вряд ли стали бы игнорировать беду лишь из-за дурной славы семьи Ван. А вот что касается других...

Он сделал глоток чая и продолжил:

— Поговаривают, будто Цинь Цюаньшань, глава Форта Цинь, — до мозга костей алчный торгаш. Если б потребовалось раскошелиться на щедрую награду для заклинателей за изгнание духов... судя по тому, что ограда его поместья уже несколько лет стоит полуразрушенной... думаю, дело как раз в этом: всё тщательно скрывают.

Он разочарованно покачал головой.

И впрямь, кланы Алых Листьев и Ланьси пользовались заслуженной славой на Центральных Равнинах, и их искусство изгнания нечисти было далеко не пустым звуком.

— Но почему тогда целых три года... — дослушав рассказ, Вэнь Ланьшу хотел задать еще один вопрос, как вдруг на опустевшей улице появился человек в одеждах столь необычного покроя, что тот невольно замолчал.

На незнакомце был роскошный белый халат из тончайшей ткани, манжеты и плечи которого украшал вышитый серебряной нитью узор из бамбуковых листьев. На груди серебром красовался иероглиф «Цзюнь», на поясе покачивался нефритовый кулон, а к рукояти меча был привязан серебряный колокольчик из Ланьси.

Судя по всему, этот юноша принадлежал к секте Ланьси. Ему было лет четырнадцать-пятнадцать, не больше. Худощавый, среднего роста, с копной иссиня-черных волос, он обладал миловидным и мягким выражением лица. Быстрым, легким шагом он направлялся в южную часть улицы. Одежды адептов Ланьси обычно выполнялись в серебристо-белых тонах, символизируя чистоту помыслов и незапятнанную репутацию.

— О? Да это же ученик из Обители Мэньюань в Ланьси! Какая редкая гостья, вернее, гость пожаловал, — воскликнул один из местных.

Парень с арахисом глянул на улицу, усмехнулся и протянул:

— Один? Пришел изгонять призраков? Ха, ну точно старейшина Цинь пожалел денег, чтобы нанять толпу мастеров. Гляди-ка, нынче седьмой месяц, улицы кишат мстительными мертвецами, а эта проклятая нечисть гремит костями на каждом углу. И с ним всего один заклинатель... По мне так чудо, если его самого живьем не сожрут.

С этими словами он снова закинул в рот орешек, выказывая полное презрение.

Другой мужчина хохотнул:

— Слышь, а если прилепить на дверь портрет Генерала Бэймин, поможет отогнать нечисть? Говорят ведь, он когда-то был грозным божественным стражем!

Первый скептически хмыкнул:

— Отогнать? Как бы самому от проклятия не загнуться! Аль не слыхал, как много лет назад этот кровожадный демон стер с лица земли весь город Юэцзы?

— Тц... верно ведь...

И впрямь, защита от призраков и убийства, чинимые нечистью, стали серьезной бедой. А жуткие трупные демоны, в которых превращались лишенные душ тела людей, внушали суеверный ужас.

Пытаться в одиночку справиться с целой армией трупов и призраков — чистой воды безумие и самонадеянность.

Нельзя допустить, чтобы этот мальчишка бездарно расстался с жизнью.

Поразмыслив, Вэнь Ланьшу мягко поблагодарил сидевших в чайной мужчин:

— Благодарю вас, друзья. Я человек приезжий, но теперь, услышав это, буду куда осторожнее.

— Ладно, ступай, береги себя, — махнул рукой тот самый парень.

Поклонившись на прощанье, Вэнь Ланьшу зашагал вслед за уходящим на юг юношей.

Вэнь Ланьшу:

Триста лет назад — любимец небес, блистательный выходчик в самых розовых одеяниях, бьющий врагов больше всех (на самом деле — разодетый в золото и розовый шиф, получавший от врагов больше всех).

Триста лет спустя — загробный работяга, миловидный юноша в синем халате с заплочным коробом за спиной, специалист по набиванию шишек с разбитой головой.

Любимая еда: печеный батат, мясные булочки.

Падший заклинатель возвращается в мир людей — 2

Тем временем закатное солнце окончательно скрылось, и багровые облака затянули небо словно забрызганным кровью шелковым полотном. Горлица на ветке испустила жалобный вопль, предвещающая зловещие тайны смертного мира, а небо окуталось тонкой черной вуалью.

Наступила ночь, в выси зажглась кровавая луна.

Следуя за тусклым красным светом уличных фонарей, Вэнь Ланьшу вышел к огромной усадьбе.

Особняк выглядел внушительно, но явно нуждался в ремонте: местами обвалилась черепичная крыша, стены покрылись трещинами, над парадными воротами висело зеркало багуа, а по бокам серели выцветшие красные парные надписи.

Всю усадьбу окружала мощная защитная стена. На резных деревянных створках воротнич красовались четыре четких иероглифа: «Старый особняк семьи Цинь».

Глава Форта Цинь, Цинь Цюаньшань, из поколения в поколение занимался торговлей. Будучи несметно богатым и влиятельным, он слыл чуть ли не единоличным хозяином этого маленького городка. Однако при всем своем богатстве он отличался патологической скарелдностью, за что заслужил славу местного скряги.

В этот момент тяжелые каменные ворота усадьбы были приоткрыты. Издалека Вэнь Ланьшу разглядел, как молодой адепт из Ланьси во главе со слугой направляется вглубь поместья.

Раз уж в дело вмешались ученики Обители Мэньюань в Ланьси, значит, в Форте Цинь творится что-то поистине ужасное.

По обе стороны каменных ворот ярко горели два красных фонаря. Но едва Вэнь Ланьшу попытался подойти ближе, как двое стражей семьи Цинь с грохотом захлопнули створки, оставив его снаружи наедине с парой молчаливых фонарей.

Поднялся ночной ветер, черная птица промелькнула над углом улицы.

Вэнь Ланьшу подошел вплотную, дважды легонько постучал указательным пальцем по дереву и прижался ухом к створке, но не услышал ни звука. Колотить в ворота кулаками и орать во все горло было нельзя: объявись тут какой-то бродяжка, вздумавший шумом мешать праведному

заклинателю истреблять нечисть, его в два счета избили бы до полусмерти да и вышвырнули вон из Форта Цинь.

Мстительные призраки, темные души — на кону человеческие жизни. Раз уж ты решил выжить, нельзя пренебрегать спасением других.

Через главные каменные ворота в особняк уже не проникнуть, но и уходить просто так Вэнь Ланьшу не собирался — седьмой месяц на дворе, разве можно медлить? Придется придумать способ пробраться внутрь тайком.

Но ворота наглухо заперты, а защитные стены высоки.

Вэнь Ланьшу тяжело вздохнул, но тут же вспомнил слова болтливой парни из чайной о том, что у особняка семьи Цинь есть участок стены, который уже много лет стоит полуразрушенным — может, удастся перелезть там?

Он поднял голову, окинул взглядом стены и еще разок постучал пальцем по камню.

<http://bllate.org/book/19318/1889641>